

Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме «Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этносоциальной динамике Европейского Севера и Арктики». № гос. регистрации АААА-А18-118012390220-3 / The research was carried out within the state assignment (theme “Integrated research of the establishment and transformation of the historical-cultural heritage in ethno-social dynamics of the European North and Arctic”, № АААА-А18-118012390220-3)

Рассматриваются деревянные часовни, представляющие типичное явление традиционной культуры. Часовня – безалтарный храм молитвенных собраний жителей малодворных деревень, малых крестьянских приходов, сохраняющий автономность существования. Исследуются причины постановки часовен по историко-типологическим признакам и специфика формирования их архитектурно-конструктивных особенностей. Эмпирическая база исследования – материал 36 архитектурно-этнографических экспедиций, архивные, музейные источники Архангельской, Вологодской областей, Карелии, Москвы, Санкт-Петербурга, НАО.

Ключевые слова: Русский Север; часовня; деревянное зодчество; традиционная культура; типология часовен. /

Wooden chapels are a bright and typical phenomenon of the traditional culture. The chapels were non-altar temples of a small peasant parish, which retained their independence, providing a special atmosphere for performing rituals. The work examines the reasons for setting chapels according to historical and typological characteristics and the specifics of the formation of their architectural and structural features. The empirical base of the research was the material of 36 architectural and ethnographic expeditions, archival and museum sources of the Arkhangelsk and Vologda regions, Karelia, Moscow, St. Petersburg, NAO.

Keywords: Russian North; chapel; wooden architecture; traditional culture; chapel's typology.

Традиционная культура: «малые» деревянные храмы Русского Севера / Traditional Culture: “Small” Wooden Temples of the Russian North

текст

Анна Пермиловская
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаврова Уральского отделения РАН /

text

Anna Permilovskaya
N. P. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the RAS

в Рис. 1. Часовня-крест Успения Пресвятой Богородицы. Дер. Тырышкино, Плесецкий р-н, НП «Кенозерский». XIX в. Фото автора

в Рис. 2. Интерьер часовни Успения Пресвятой Богородицы. Дер. Тырышкино. Фото автора

«Русский Север» занимает особое место в кругу концептов отечественной истории и культуры. Для носителя российского менталитета – это устойчивое словосочетание, а на культурной карте России данная территория занимает одно из важнейших мест. Русский Север выступает контактной зоной различных этнических культур, но особые условия исторического развития и процессов русской колонизации превратили его в заповедник древнерусской культуры и деревянного зодчества.

Моделирующие функции народной культуры нашли отражение в отношении к Русскому Северу как «светлому», т. е. святому. На Севере образовалась Северная Фиваида – целая монашеская область, еще в 1855 г. названная православным писателем А. Н. Муравьевым «Русской Фиваидой» по аналогии с Фиваидой Египетской, колыбелью раннехристианского монашества. Во главе монастырской сакрализации северных земель стояли ученики и сподвижники Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. «Преподобный Сергей стоит во главе всех, на южном краю сей чудной области и посылает внутрь ее своих учеников и собеседников, а преподобный Кирилл на другом ее краю приемлет новых пришельцев и расселяет обители окрест себя, закидывая свои пустынные мрежи даже до Белого моря и на острова Соловецкие» [1, с. 7–8, 33]. Специфика существования человека в условиях Севера

сформировала особый тип ментальности, опирающийся на православие. Отличительной чертой северного менталитета является заложенный в него генетический код севернорусской культуры. Из поколения в поколение он передается посредством культурной традиции [2].

На Русском Севере были распространены деревянные церкви и часовни нескольких типов: клетские, шатровые, кубоватые, ярусные, многоглавые (кроме часовен). Наиболее древние из сохранившихся церковных сооружений из дерева – клетские; в основании этого типа культовых построек – обычная четырехстенная клеть, перекрытая двускатной кровлей. Простейшие часовни называются «крест» и состоят из одного небольшого сруба. Подобные постройки располагаются, например, близ дер. Тырышкино и дер. Тырнаволок (Кенозеро). Они не имеют окон, освещение осуществляется лишь благодаря небольшой приоткрытой двери. Завершением часовен служит крест (рис. 1, 2).

Типичный образец развитого архитектурно-планировочного решения построек клетского типа – часовня во имя преп. Макария Унженского и Желтоводского в дер. Федоровская Плесецкого р-на, центрального селения Кенорецкого прихода (XVIII в.). Клеть часовни с трех сторон обнесена открытой галерей-гульбищем с точечными баясинами. В исходном виде она имела узкое

< Рис. 3. Часовня Макария Унженского. Дер. Федоровская, Плесецкий р-н. XVIII в. Фото автора

крыльцо, чуть шире дверного проема основного молеельного помещения, с устроенной над ним восьмигранной шатровой звонницей с резными лопастками-полницами. В 1972 г. после перевозки в музей «Малые Корелы» реставрация была выполнена д-ром арх-ры А. В. Ополовниковым и арх. В. А. Суслиным. С запада галерея переходит в широкое крыльцо с 5 ступенями, которые опираются на вертикальные столбики различных размеров, составляющие единое решение с балясинами галереи. Крыльцо имеет пологую односкатную кровлю. Перед входом на паперти устроена лестница на звонницу. Изящная главка с крестом крыта городчатым лемехом. С внешним обликом часовни гармонирует ее внутреннее убранство: двухрядный иконостас и расписное «небо» (рис. 3, 4).

«Небо» или «небеса» – еще один феномен деревянных храмов Русского Севера, получивший наибольшее распространение на территории Кенозерья. «Небо» – конструкция потолочного перекрытия в храме, имеющая форму пологой усеченной многогранной пирамиды, радикальные грани которой возвышаются к центральному кольцу. Выразительнее всего выглядят расписные «небеса» – перекрытия молеельных залов с изображением библейских сюжетов. Уникальностью отличается коллекция небес НП «Кенозерский» (рис. 5, 6, 7). Она представлена 15 комплексами, демонстрирующими разнообразие иконографии, композиции и стиля иконописания. В парке сохранились редкие двойные «небеса» в главном молитвенном помещении храма и в алтаре (ансамбль-«тройник», дер. Филипповская). Примерами памятников с удивительной по колориту живописью являются ансамбли Георгиевской церкви XVII в. и церкви Происхождения Честных Древ Христовых 1700 г. Единственное известное сегодня подписное «небо» сохранилось в Никольской часовне д. Усть-Поча (рис. 8, 9, 10). На двенадцати гранях размещены фигуры архангелов и евангелистов. На восточной грани вместо традиционного распятия мастер написал образ Николая Чудотворца. На «небо» мастер поместил весь часовенный образ. Над фигурами ангелов и святых – кольцо серафимов, окружающих Новозаветную Троицу. В нижней части граней «неба» помещены клейма из жития Святого Николая. Но самое интересное – это надпись на «небесах»,

расположенная в нижней части грани «Евангелист Иоанн Богослов»: «Писаны сии небеса въ 1881 живописцомъ Федором Захаровым Иокомъ, уроженцемъ Олонецкой губернии Каргопольского уезда Мишковской волости дер. Большое Конево отроду 17 лет масте (р)» (рис. 11).

Часовни – одно из наиболее выразительных и образных проявлений традиционного деревянного зодчества. В к. XVII – нач. XX в. на Севере их существовало большое количество, что находит подтверждение в архивных документах и переписи часовен 1692 г. по приказу первого холмогорского архиепископа Афанасия. Всего учтено 433 часовни, «наиболее распространенный тип – часовня с приходом в четыре двора. Места постановки указаны следующие: в волости 5, на посаде 2, на погосте 19, около погоста 1, в деревне 302, у деревни 14, между деревнями 9, на горе 3, в пустоши 2, в слободке 10, в поле 5, за полем 4, в наволоке 1, на реке 3, на озере 1, на плесе 1, неизвестно 60 [3]. В 1910 г. на каждый приход в соседней Олонецкой епархии приходилось по три часовни [4, с. 134].

Характерным было существование «часовенных приходов». При часовнях не полагалось иметь священника, вследствие чего чтение «часов» (позволительные для мирянина службы) проводили сами крестьяне. В некоторых часовнях копилась денежная средства, при необходимости они могли стать ссудной кассой; строился хлебный амбар; образовывались земельные владения. Часовней и ее имуществом управлял часовенный приказчик или староста. В годы войны и во второй половине XX в. функцию приказчиков-старост стали исполнять «божественные старушки». Это позволяет сделать выводы, что часовенные старосты стали частью женской субкультуры и что службы передавались «по наследству» членам одной семьи из рук в руки. В часовне дер. Тарасово до конца 1970-х гг. старостой служила А. А. Артемьева. Ранее часовенкой «заведовал» ее дед старовер-беспоповец [5, с. 59].

Часовни были широко распространены в сельских поселениях и прочно утвердились в системе природно-сакрального ландшафта. Наиболее распространенный вариант – часовня в роще. Это заросшие очень старыми деревьями части леса, которые иногда обноси-

< Рис. 4. Интерьер часовни Макария Унженского. Дер. Федоровская. Интерьер. XIX в. Фото автора

^ Рис. 5. Часовня Св. апостола Иоанна Богослова. Дер. Зехнова, Плесецкий р-н, НП «Кенозерский». XVIII в. Фото автора

^ Рис. 6. Расписное небо в часовни Св. апостола Иоанна Богослова. Дер. Зехнова. Фото автора

лись оградой. Внутри подобных священных рощ могли располагаться: часовня, крест, особо почитаемое дерево, целебный источник, камень. Принципиальное значение в роще приобретает ее свойство границы, в особенности при расположении в поле или на возвышенности. Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться. При этом на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах оставляли одежду, ткань, ленты, деньги и другие приношения. Здесь же совершались крестные ходы в празд-

ники, особенно в дни освящения местных часовен. В качестве культовых мест священные рощи сохранялись в XIX – XX вв., в настоящее время они также присутствуют в традиционном ландшафте Русского Севера, на западе региона (Карелия, Каргополье). На территории НП «Кенозерский» находится более 40 святых рощ (рис. 12).

Ставя перед собой задачу исторической типологии часовен, необходимо прежде всего указать на пограничный характер их топографии. Часовня, как и крест, всегда возводится на границе сельских угодий, деревни и кладбища, на берегу реки или озера, на острове (граница земли и воды), на дороге.

Пример придорожной часовни – Троицкая часовня в дер. Вальтево Пинежского р-на (1728). В этом месте проходил старинный тракт с Пинеги на Мезень. Часовня стояла на тракте у самой дороги, в сторону которой и было обращено крыльцо. Здесь путник мог помолиться, перекусить (в часовне оставляли запас продуктов). Место для возведения было выбрано крайне удачно: путник, идущий от последней пинежской дер. Усть-Ёжиги, еще задолго до самой деревни видел главку, а затем всю постройку, появляющуюся за поворотами дороги. Архитектурный облик этого сооружения в полной мере согласуется с основными принципами культового зодчества. Вальтовская часовня – одно из высокохудожественных произведений народной архитектуры, с 1973 г. – памятник музея «Малые Корелы». Для этой постройки характерны необычные пропорции и деление на две части. Молельное помещение – вытянутая клеть, поставленная на высокий подклет, в котором хранились медные котлы для варки общественного «благословенного пива» на время коллективных праздников, церковная утварь, запасы зерна. Размеры часовни небольшие; несмотря на это, она выглядит монументальной. Подобный эффект достигается при помощи игры объемов: вертикального вытянутого вверх молитвенного помещения и горизонтального распластанного прируба на консолях – трапезной. Над основной клетью, трапезной и крыльцом устроены самостоятельные двускатные кровли самцовой конструкции. Скаты всех трех крыш с резными полицами расположены под разными углами и на разных уровнях, обрамлены причелинами с волнообразным рисунком.

> Рис. 7. Фрагмент неба в часовни Св. апостола Иоанна Богослова. Дер. Зехнова. Фото автора

^ Рис. 8. Никольская часовня. Дер. Усть Поча, Плесецкий район, НП «Кенозерский». XVIII–XIX вв. Фото автора

< Рис. 12. Часовня Параскевы Пятницы в священной роще. Дер. Тырышкино, Плесецкий р-н, НП «Кенозерский». XIX в. Фото автора

Широкие, сродни хозяйственной и оборонной архитектуре, косяки окон, ассиметричное односходное крыльцо по типу «рундук», крутые повалы, крытая лемехом главка на тонкой длинной шейке-барабане, врубленная в коньковую слегу крыши, придадут часовне неповторимое архитектурное своеобразие (рис. 13, 14). Внутри часовни располагался «ложный алтарь» – имитация церковной апсиды. Это явление зачастую было распространено на территориях с сильными старообрядческими традициями. Еще реже встречалось решение «ложного алтаря».

Пример можно обнаружить в часовне Николая Чудотворца в дер. Горбачиха, НП «Кенозерский» (1863). Это клетская часовня в виде пятистенного сруба, рубленного «в лапу», острым пятым углом обращена на восток и окружена с трех сторон открытой галереей-папертью. В продольных стенах часовни прорублены небольшие оконные проемы без заполнения. Размер 12,6 м², высота 2,7 м.

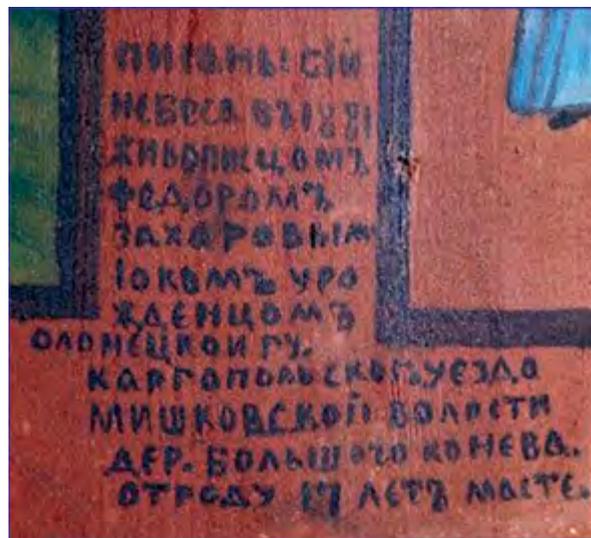
Причины постановки часовен определяются в соответствии с их типологическими признаками. С учетом выполняемых функций малые храмы можно отнести

< Рис. 9. Небо в Никольской часовне. Дер. Усть Поча. 1881. Фото из архива НП «Кенозерский»

< Рис. 10. Фрагмент неба со львом в Никольской часовне. Дер. Усть Поча. 1881. Фото автора

< Рис. 11. Подписное небо в Никольской часовне. Дер. Усть Поча. 1881. Фото из архива НП «Кенозерский»

^ Рис. 13. Троицкая часовня. Дер. Вальтево, Пинежский район. 1728. Фото автора

^ Рис. 14. Главка Троицкой часовни. Дер. Вальтево. 1728. Фото автора

к следующим группам: место проведения богослужения. Для его осуществления из крестьян выбирался наиболее грамотный, уважаемый человек, обладавший хорошим голосом. По канону в часовне из-за отсутствия алтаря не могли совершаться таинства. Тем не менее, это правило нарушалось на Русском Севере. В часовне крестили новорожденных и отпевали умерших. Реже в часовнях совершалась литургия. В таких случаях священник приносил с собой антиминс и проводил на нем службу. В исключительных случаях происходило венчание, об этом свидетельствует указ Святейшего Синода от 18 августа 1769 г. о разрешении венчания в часовне.

Из прошения 1820 г. крестьян Водлозерской Ильинской волости о разрешении строительства часовни в качестве аргумента приводилось следующее: «<...> деревни состоят от приходской церкви в пяти верстах, со всех сторон окружены водами, почему в вешнее и осеннее время за распутием, а в летнее иногда за сильными погодями, в приходскую церковь для богомоления по рачению прихожан притти не можно» [4, с. 130]. Но географический фактор – удаленность поселения от приходской церкви – не мог быть единственным объяснением для возведения большого количества часовен. Несмотря на устойчивое мнение, которое мы находим

v Рис. 15. Никольской часовня. Дер. Вершинино, Плесецкий район, НП «Кенозерский». XVIII в. Фото Ф. Юдахина

в богословских и светских исследованиях – это вторичная, сопутствующая причина, а не главная. Некоторые регионы Русского Севера имели значительное количество часовен. В Каргополье, куда входило и Кенозерье, в XIX в. было 49 церквей, 169 часовен и молитвенных домов. Однако внутри Каргополья Кенозерье выделяется тем, что часовен здесь больше, чем церквей, в 10, а на самом озере – почти в 20 раз (рис. 15, 16).

Необходимо принять во внимание, что тип расселения в данной местности – гнездовой. Вероятно, феномен большого количества часовен Кенозерья объясняется многочисленностью небольших патронимических деревень, состоящих из 2–10 домов-дворов, расположенных на расстоянии 2–5 км друг от друга, а также особым островным ландшафтом, изолированностью и изрезанностью береговой линии.

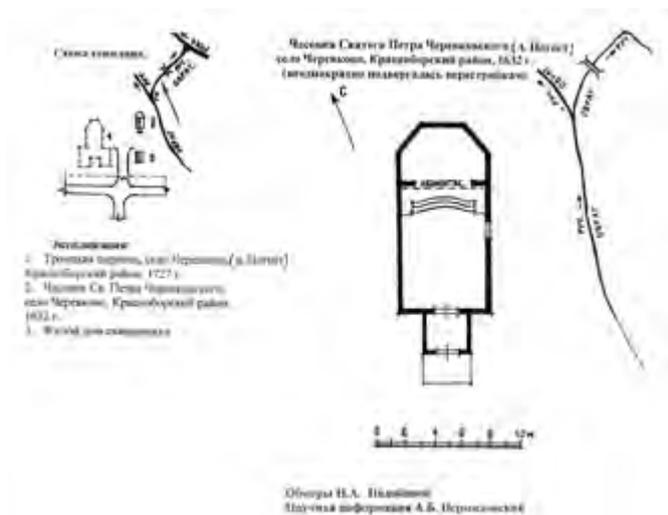
В нач. XX в. в с. Кимжа на Мезени насчитывалось 5 часовен, которые были расположены на расстоянии 0,5–2 км друг от друга и от главной церкви Кимженского прихода – Одигитриевской. Подобное количество часовен было вызвано не удаленностью их от приходского храма (скорее, здесь можно говорить о близости к храму), а иными причинами функционально-типологического характера [2, с. 452–453].

Среди часовен выделяются поминальные, чаще всего возводимые на кладбищах. К этому же типу относятся часовни-усыпальницы, сооруженные над мощами местночтимых святых. Именно такая часовня была построена на могиле местночтимого св. Петра Черевковского, священника из с. Черевково, погибшего в 1613 г. от руки «литовских воровских людей» (рис. 17, 18).

Еще один широко распространенный тип – обетная часовня. Мотивом для возведения подобных часовен являлись ситуации бедствия, пороговые, кризисные обстоятельства, болезни, избавление от пожара. К обетным часовням относятся «обыденные» часовни – особая категория культовых построек, строившихся по обету «во один день». Необходимо понимать, что не все обетные церкви/часовни были обыденными. Строительство по обету (единодневные, «во один день») церкви для избавления страны, города или деревни от общественного бедствия – имеет древние корни.

^ Рис. 17. Часовня Св. Петра Черевковского. С. Черевково, Красноборский р-н. 1658. Фото автора

^ Рис. 18. Обмеры часовни Св. Петра Черевковского. С. Черевково. 1658. Архитектор Н. Подобина

Первый пример обетной церкви, а, вероятно, и обыденной, относится ко времени великого князя Владимира (996). Спасаясь от печенегов, великий князь принужден был скрыться под мостом и дал обет: построить церковь в случае избавления от угрожавшей ему опасности [6, с. 6–7]. «Существовали обыденные (и посему – деревянные) церкви различного времени: год, 23, 25 и 40 лет, иные и более 150 лет» [6, с. 7]. Безусловно, подобное требование обуславливает простоту (если не примитивность) архитектуры храма/часовни и, возможно, его относительную недолговечность. Позднее эти деревянные «обыденные» храмы заменялись каменными, при этом сохраняя наименование «обыденных». Таковы «Илия Обыденный» в Москве, Спасопробоинский обыденный храм в Ярославле, «Спас Обыденный» в Вологде, «Екатерининская обыденная церковь» в селе Екатерининском, что на реке Вятке. Величина указанной церкви около полутора квадратных сажен; престолом ее служит простой пенек; царские врата – две простые доски, привязанные веревками [7].

Одним из характерных явлений морской культуры было возведение промысловых часовен в становищах – временных поселениях, образованных в местах рыбного, зверобойного промыслов на островах Белого и Баренцева морей. Об этом свидетельствует довольно большая группа документов ГААО с просьбами поморов о разрешении или освящении уже построенной часовни: «О самовольной постройке часовни крестьянами в Тиманском приходе на устье реки Пеша» «По прошению крестьянина Попова построить часовню при морской тоне «Татарниха», «О самовольной постройке часовни в с. Койда Мезенского уезда» и др. [8].

В одном из документов приводится описание часовни на тони в Тиманском приходе в устье реки Пеша: «Старая часовня развалившаяся, при ней амбарчик для соления рыбы. В 30 шагах повыше одна жилия изба старая с новой пристройкой, а в 10 шагах новое строение с дверями. Сенцы ведущую в горенку длиной 1 сажень 2 аршина, шириной $1\frac{1}{4}$ аршина, кругом полки, на главной стене продольные, на них три иконы. У верхней полки, видимо, прикреплены веревки для крепления лампы. На нижней полке также иконы и к ним – свечи, на окошке – руч-

ная кадьница. На полу – деревянный ящик с углями, у другого окна – стол в виде анаоя. На полках – семь ковриг черного хлеба и одна рыба, видимо для промышленников, заблудившихся, или заставших непогодой» [8]. Часовня не запиралась и была доступна для всех желающих помолиться. Чтобы поддерживать часовни, промысловики жертвовали 24-ю часть белужьего промысла, покупали свечи на ярмарках в Пинеге и раздавали артели промысловиков.

< Рис. 16. Поруганные иконы Никольской часовни. Дер. Вершино, Плесецкий район, НП «Кенозерский». Фото автора

^ Рис. 19. Часовня в Унской губе Белого моря. XIX в. Фото из архива автора

^ Рис. 20. Часовня-амбаронка. Мезень. XIX в. Рис. Н. Шабунина. 1908

^ Рис. 22. Столбик-часовенка. Холмогорский уезд Арханг. губ. XVIII в. Фото из архива автора

Поморы так объясняли причины возведения часовен: «Мы отправлялись в море для звериных, морских и рыбных промыслов, чувствуем потребность помолиться и попросить у Господа помощи о благолепном плавании среди льдов, о промысле, как единственном средстве добыть себе насущный хлеб и успешно возвращении к своей семье» [10, с. 175].

В пространстве арктических тундр часовни также являлись промысловыми и выполняли жизненно важную функцию приюта в непогоду, где не только можно укрыться, но и жить несколько дней. В часовне разрешалось в случае крайней нужды заимствовать вещи с обязательной последующей отдачей. На полу – шкуры оленей, белого песца, которые зачастую были приношениями самоедов (рис. 19).

В конце XVII в. православные часовни в России получили устойчивую связь со старообрядческим движением и превратились в один из наиболее значимых символов идеологии беспоповства. Большинство жителей отличается холодностью к вере и церкви Божьей, и, если не числятся в расколе, то склонны к нему: подобные сообщения присылались священниками из самых разных мест. Каргополье, Мезень, Пинега, Поморье были оплотами старообрядчества на Севере.

На Мезени, как и в ряде других районов Русского Севера, получили распространение часовни-амбаронки. Характерным для них было отсутствие креста на крыше, однако перед входом устанавливался огромный резной деревянный крест. Передняя дверь часовни, так же как и амбара, была защищена навесом – залобником на столбах, к которому подвешивался колокол. «Часовню имеет каждая деревня, выселок. Устраивают их на пунктах промыслов по берегам моря, рек, озер, в лесах. Они невелики, просты и примитивны по своей архитектуре, по внешнему виду их можно принять за амбарушки крестьян для сбережения зерна, муки и других припасов. Часовня в большинстве случаев – квадратный бревенчатый холодный сруб, размером от 4 × 4 арш. до 9 × 9. Высота внутри редко выше сажени; очень часто они не имеют потолка и заканчиваются двускатной тесовой крышей. Освещается часовня через открытую дверь, или же через маленькие продольные прорубы в одном бревне

и без стекла. Потому зимою пол в часовне под толстым слоем снега. Вдоль передней стены на простой доске-полке установлен один ряд старых икон, между которыми можно встретить иконы-оригиналы стариннейшей работы, киоты. Украшения часовни составляют пестрые ситцевые или холщовые пелены, прикрепленные к полочкам божницы, различные амулеты на иконах, да затейливо выполненная из глины кадильница, в которой староста часовни в праздник при сборе молящихся раздувает с ладаном огонек и кадит перед иконами» [9, с. 20–21]. Утварь, лампы и подсвечники весьма примитивные, сделаны из корней и пней дерева (рис. 20).

В Каргополье верующие, молясь перед иконой о выздоровлении, вешали к иконе соответствующий большой части тела «покров» – чулок с ноги, варежку с руки, платок с головы, отрез, платье или юбку; для молитвы о домашних животных приносили масло от коровы, шерсть от овцы. Широкое распространение получили дары – вотивные подвески, которые прикреплялись к иконе. Они были выполнены из металла или вышиты на ткани и несли изображения больной части тела.

На Мезени существовали часовни, называемой «келейкой». Мезенская «келейка» – деревянная избушка, осененная крестом. Здесь длительное время сохранялся обычай – уходить в тишину и покой лесной глуши. «Келейки» живописно вписывались в береговой пейзаж. Одна из них располагалась около дер. Дорогая Гора. Она представляет собой «<...> небольшой рубленый бревенчатый домик. Подле него старинный крест. После больших церковных праздников кто хотел – приходил сюда и оставался на день – на два. Поживет, помолится, отдохнет и домой. Тут хорошо, спокойно, людей нет» [10, с. 109]. В начале XXI в. местные жители с. Кимжа из пяти часовен, расположенных в деревне и ее окрестностях, две-три относят к этому типу [2, с. 284] (рис. 21).

В заключение необходимо отметить, что большинство северных часовен возводились по обетам: «<...> заветные праздники были разнообразны по происхождению («явление иконы», эпидемия, эпизоотия, градобитие, пожар), но всех их объединяли три основных признака: они были христианские во форме, происходили в весенне-летнее время и возникали по случаю. Возникновение

^ Рис. 21. Часовня-келейка около дер. Азополье. Мезень. XIX в. Фото М. Нащокиной. 1971

^ Рис. 23. Ильинская часовня. Дер. Мамонов остров, Плесецкий р-н. XVIII в. Фото автора

заветных праздников – проявление регенерирующей способности традиционной культуры, сохраняющей под христианской формой архаическое содержание» [11, с. 216]. Часовня – явление истинно народной северной архитектуры, в котором отражаются сакральные смыслы деревянного зодчества и феномен народного православия (рис. 22, 23).

Литература

1. Муравьев, А. Н. Русская Фиваида на Севере. – Санкт-Петербург : тип. III Отд. Собственной е. и. в. канцелярии, 1855. – 507 с.
2. Пермиловская, А. Б. Русский Север как особая территория наследия. – Архангельск : ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 552 с.
3. Переписные книги часовен Важской волости и в Устьянских сохах Холмогорской губ. 1692 // В кн. : Русская истор. биб-ка, издаваемая Археографической комиссией: в 39 тт. – 1908. – Т. 25. – с. 347–762
4. Пулькин, М. В. Строительство часовен в XVIII – начале XX в.: законодательство и приходская традиция (по материалам Олонецкой епархии) // Народное зодчество. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2004. – с. 123–138
5. Мелютина, М. Н., Теребин, Н. М. Сакральный ландшафт Кенозерья. – Архангельск : Мин. образования и науки Арханг. обл., САФУ им. М. В. Ломоносова, НП «Кенозерский», 2013. – 203 с.
6. Сказание о построении обыденного храма в Вологде «во избавление от смертоносныя язвы». – Москва, 1893. – 21 с.
7. Зеленин, Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы // Живая старина. – 1911. – Санкт-Петербург : Типография Импер. Академии Наук. – Вып. 1/2. – с. 1–20
8. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1342. Оп. 2. Д. 101. Л. 6 об.
9. Шабунин, Н. А. Северный край и его жизнь: путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии художника Н. А. Шабунина // Сборник Импер. Акад. наук. СПб., 1908. – Т. 84. – № 1. – с. 1–44
10. Колпакова, Н. П. У золотых родников: записки фольклориста. – Ленинград, 1975. – 197 с.
11. Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начале XX века: половозраст. аспект традиц. культуры. – Ленинград : Наука, 1988. – 277 с.

References

- Bernshtam, T. A. (1988). *Molodezh v obryadovoy zhizni russkoj obshchiny XIX – nachale XX veka: polovozrast. aspekt tradic. kultury* [Youth in the ritual life of the Russian community in the 19th – early 20th centuries: age and sex aspect of tradition culture]. Leningrad: Nauka.
- Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti [State Archive of the Arkhangelsk region]. F. 1342. Inv. 2. File 101. L. 6 back side.
- Kolpakova, N. P. (1975). *U zolotykh rodnikov: zapiski folklorista* [At the springs of gold: notes of a folklorist]. Leningrad.
- Melyutina, M. N., & Terebihin, N. M. (2013). *Sakralnyj landshaft Kenozerya* [Sacred landscape of Kenozero]. Arkhangelsk: Min. obrazovaniya i nauki Arhang.obl., SAFU im. M.V. Lomonosova, NP "Kenozerskij".
- Muraviev, A. N. (1855). *Russkaya Fivaida na Severe* [Russian Thebaida in the North]. St. Petersburg.: tip. III Otd. Cobstvennoj kancelyarii.
- Perepisnye knigi chasoven Vazhskoj volosti i v Ustyanskih sohah Holmogorskoj губ. 1692 [Census books of the chapels of the Vazhskaya volost and in the Ustyansky plows of the Kholmogory provinces. 1692]. (1908). In Russian historical collection published by the Archeographical Comission in 39 vols. (Vol. 25, pp. 347-762).
- Permilovskaya, A.B. (2010). *Russkij Sever kak osobaya territoriya naslediya* [Russian North as a special territory of heritage]. Arkhangelsk: "Pravda Severa"; Ekaterinburg: UrO RAN.
- Pulkin, M. V. (2004). *Stroitelstvo chasoven v XVIII – nachale XX v.: zakonodatelstvo i prihodskaya tradiciya (po materialam Oloneckoj eparhii)* [Construction of chapels in the 18th - early 20th centuries: legislation and parish tradition (based on materials from the Olonets diocese)]. In *Narodnoe zodchestvo* (pp. 123–138). Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU.
- Shabunin, N. A. (1908). *Severnyj kraj i ego zhizn: putevye zametki i vpechatleniya po severnoj chasti Arhangel'skoj gubernii hudozhnika N. A. Shabunina* [The Northern Territory and Its Life: Travel Notes and Impressions in the Northern Part of the Arkhangelsk Province of the Artist N. A. Shabunin]. In *Sbornik Imp. Akad. Nauk* (Vol. 84, № 1, pp. 1–44). St. Petersburg.
- Skazanie o postroenii obydenного храма v Vologde "vo izbavlenie ot smertonosnyya yazvy" [Legend about the construction of an ordinary temple in Vologda "to get rid of a deadly ulcer"]. (1893). Moscow.
- Zelenin, D. K. (1911). "Obydennye" polotentca i obydennye hramy ["Ordinary" towels and ordinary temples]. *Zhivaya starina*, 1/2, 1–20. St. Petersburg: Tipografiya Imper. Akademii Nauk.